

МАКС ВЕБЕР: 140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В.В. Козловский, Р.П. Шпакова, Ф.Эттрих

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА

21 апреля 2004 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Макса Вебера (1864–1920). Сегодня, в начале XXI в., как и столетие назад, Вебер остается центральной фигурой мировой социологии. Именно он выдвинул и предложил решение важнейших проблем теории и методологии не только социологии, но и гуманитарного знания в целом. Как гласит старая мудрость, продолжать — значит обновлять. На фундаменте его идей возникли новейшие концепции, например, весьма влиятельная ныне «Rational Choice Theory» (Хартмут Эссер и др.). Однако их авторы по-прежнему остаются всего лишь «карликами на плечах великана».

Но разве полностью исчерпано само его наследие, разве все известно и понято в его трудах? Отечественная социология, переживающая перманентные трудности самой разной природы, не ошибется, если при решении своих задач выберет, говоря словами Фридриха Тенбрука, «путь к Веберу», т. е. обратится к вариантам его решения и теоретических, и социально-политических проблем. Разумеется, исторический контекст его времени, его страны кардинально другой, но не будет преувеличением мысль о том, что Вебер — человек эпохи перемен, эпохи модерна, и в этом смысле он наш современник. Можно приглядеться к его ранним трудам, посвященным, казалось бы, частным региональным вопросам, и мы найдем много полезного для себя, для современной России.

Редкий учебник и книга по истории социологии обходится без обращения к социологии Макса Вебера. Тайна его великого наследия волнует любого, кто входит в науку и профессию «социология» (как называется рубрика в нашем журнале, где представляют свои работы современные социологи). На вопрос о характере и назначении современной социологии отвечают по-разному. Многие считают, что современная социология по-прежнему может быть не только экспертным знанием, но и средством влияния на политику, экономику и социальную жизнь, — подобно тому, как это было в начале XX в., когда М. Вебер активно участвовал в политической жизни Европы и Германии, в частности, в подписании Версальского договора и в подготовке Веймарской конституции послевоенной Германии. Политическая деятельность Вебера стала одной из ярких страниц и его биографии, и истории социологии. Надо ска-

зять, что Вебер не был единственным социологом, включенным в поле политики. Вспомним хотя бы деятельность П.А. Сорокина во Временном правительстве А.Ф. Керенского в 1918 г. Однако эти попытки едва ли можно назвать удачными. Ученый и политик редко гармонично сочетаются в одном человеке (разве что Вудро Вильсон и Томаш Масарик: оба, будучи известными учеными, успешно справлялись с обязанностями президента, первый — США, второй — Чехословакии). Творчество М. Вебера до сих пор вызывает противоречивые оценки. Неовеберизм порождает новые надежды на успех теоретической социологии и новые сомнения в постижении сложных перемен в России и мире. Хотя следует признать, что у российских социологов веберизанская исследовательская программа пока не получила широкого признания.

Год назад один из авторов принимал участие в конференции в Гейдельберге, на которой встретились представители немецкого и международного веберовского цеха, чтобы обсудить место «веберовской парадигмы» в современной социологии. В принципе вопрос стоял даже так: существует ли вообще «веберовская парадигма»?

Заметим, что большинство участников принадлежало к тому поколению ученых, которое в настоящее время уходит из активной научной жизни. Самому старшему участнику было 80 лет (Ханс Альберт), средний возраст всех участников был больше шестидесяти. «Веберизанцы» в строгом смысле слова сегодня принадлежат поколению пенсионеров. И хотя даже в Германии никогда не было «веберовского ренессанса», о котором так много писал Юрий Давыдов, своей вершины теоретическое учение Макса Вебера достигло в семидесятые-восьмидесятые и, возможно, в девяностые годы. При этом мы хотели бы подчеркнуть, что имеется в виду именно теоретическое учение Вебера. Заниматься биографией и библиографией Вебера означает заниматься не социологической теорией, а историей идей и филологией. В дискуссии и интерпретации работ Макса Вебера можно выделить общую тенденцию историзации. Этот многозначный термин включает, с одной стороны, большую часть аспектов историко-филологической экзегезы, т. е. исследования связи работ Вебера с дискурсом того времени, а также взаимообусловленности работ и биографии их авторов. С другой стороны, историзацию можно понимать как стремление части исследователей Вебера, интересующихся теоретическими вопросами, обосновать наше понимание современности с помощью создания новой истории эпохи модерна. И это предполагает прочтение заново социологии эпохи модерна. При этом социологические труды того времени должны служить скорее источником интерпретации, чем концептуальным фундаментом. Другие интерпретаторы работ Вебера усматривают в расхождении между до сих пор господствовавшим социологическим пониманием обществ эпохи модерна и собственно «социальными науками эпохи модерна» возможность освободить Вебера из «плена социологии». Здесь уместно привести высказывание Ульриха Бека: «Макс Вебер не только основал социологию. Он ее еще наверняка переживет».

Является ли Вебер сегодня устаревшим? На 1980–90-е гг. приходится расцвет дискуссии о постмодерне. Вебер считается теоретиком «iron sage» и в

связи с этим представителем современности *per se*. Постмодернистская социология организаций отказалась от веберовского идеального типа бюрократии. В постмодернистских обществах невозможно выделить четкую структуру господства. С этой точки зрения веберовская социология господства устарела. Она *altvaeterlich*, т. е. патриархальна. Веберовский идеал аристократической личности в эпоху массового потребления и культурного производства масс-медиа уже не может поддерживаться в том виде, как раньше. Вебер вел буржуазное академическое существование, которое было возможно благодаря большому состоянию его семьи. Кто из нас сегодня может успешно заниматься наукой в качестве частного ученого?

Может ли он с точки зрения теории что-то дать нам для социологического исследования? И что тогда представляет собой «веберовская парадигма в социологии»?

Конечно, Макс Вебер — это классик социологической дисциплины. Но это не влечет за собой автоматически положительных ответов на поставленные вопросы. Вместе с Вольфом Лепенисом мы можем исходить из того, что «классики» выполняют следующие функции для науки:

1. Во-первых, они сообщают дисциплине «историческую идентичность». Если мы исходим из того, что Вебер — классик социологии, то эта дисциплина имеет по крайней мере вековую историю.

2. Во-вторых, они дают социологии «социальную идентичность». Вебер объединяет — или, наоборот, разделяет — мировое научное сообщество социологов. Каждое новое поколение студентов — правда, сегодня в меньшей степени, чем раньше — проходит ритуал инициации, изучая работы классиков. На занятиях в университетах даже господствует тенденция рассматривать изучение классиков как образование социологических теорий. Поэтому Джеймс Колумэн в своих «Основаниях социальной теории» говорит о том, что «теоретики» в социологии заняты в первую очередь «пережевыванием» «старых мантр».

3. Это подводит нас к третьей функции, которую призваны выполнять классики: обеспечение дисциплины «когнитивной идентичностью». Здесь тоже начнем с замечания, которое, может быть, несколько расходится с общепринятым мнением: Макс Вебер никогда не был «доминирующим» классиком в мировой социологии, которая находится под сильным влиянием англосаксонской традиции. Здесь, вне всякого сомнения, доминировал Эмиль Дюркгейм. Вебер всегда выступал в качестве «корректива» мейнстрима, в особенности, когда речь шла о функционализме в социологии. Вопрос о когнитивной функции веберовской парадигмы снова возвращает нас к поставленному в начале вопросу об актуальности Вебера. Из всех сегодняшних веберовцев Вольфганг Шлюхтер наиболее последовательно подчеркивает самобытность и сохраняющуюся актуальность «веберовской исследовательской программы». Он видит ее специфику в том, что Вебер представляет концепцию действия, регулируемого правилами. Но Шлюхтер подчеркивает, что он заинтересован не в «действительном» Вебере. Скорее, он, занимаясь также теоретическими разработками Юргена Хабермаса и Никласа Лумана, стремится создать альтернативную кантианскую социологическую исследовательскую программу, которая разделяет общие предпосылки с «понимающей социологией» Макса Вебера.